

ВЛАДИСЛАВ СТРЖЕЛЬЧИК

... В конце сентября 1941 года он получил короткий отпуск с фронта домой, в Ленинград. Дорога была недолгой — линия фронта угрожающе близко уже подходила к его родному городу. Дома он нашел записку от матери: «Папа на заводе, я — в Эрмитаже». И тотчас направился в Эрмитаж. Мать и до войны работала там, а сейчас, как и другие сотрудники, помогла упаковывать сокровища музея, чтобы вывезти их из города. Найдя мать в одном из залов, девятнадцатилетний солдат отстоял в угол винтовку и стал помогать. Переносил уже упакованные полотна, он увидел в другом зале известного академика Орбели. Снял со стены одно из очень знаменитых полотен, Орбели аккуратно отчертил мелом место, на котором оно висело. «Зачем?», — поинтересовался солдат. — «А затем, молодой человек, что эта картина здесь висела, здесь она и будет висеть, когда кончится война...»

Это не просто пересказ эпизода из нового фильма «Всегда со мной», снятого недавно на «Ленфильме». Это эпизод из биографии народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР Владислава Игнатьевича Стржельчика.

— Уже после Победы, — рассказывает Стржельчик, — я по-настоящему понял и оценил слова академика Орбели. Кстати, об этом же говорят и герои фильма «Всегда со мной», и искусствовед Андрей Ильин, роль которого я играю.

Так случилось, что две новые киноработы Владислава Стржельчика очень тесно соприкоснулись с его собственной биографией. Это Ильин, который из сегодняшнего дня переосмысливает многое, что было связано с его молодыми годами и участием в спасении сокровищ Эрмитажа в дни надвигающейся блокады... Это и старый архитектор Валицкий из «Блокады» по роману Александра Чаковского — из третьей и четвертой серий фильма, работа над которым будет завершена к 60-летию Октября.

— Я сам испытал на себе блокаду, не только фронт, — рассказывает Стржельчик. — Все это, увиденное, пережитое, навсегда впечаталось в память сердца. И мне очень близок и понятен до боли сердечной этот человек, который с угольником в руках умирает голодной смертью, а еще за несколько минут до смерти продолжает чертить у себя в холодном кабинете проекты Арок Победы, через которые скоро пройдут бойцы-победители.

Когда в другой из своих приездов в родной город совсем еще юный Стржельчик читал по радио монолог Эгмонта из одноименной драмы Гете, он, по сути, тоже, как и архитектор Валицкий, чертил свои Арки Победы. А потом, вступив в войну участником армейского ансамбля, ушел в действующую армию, стал заместителем командира взвода 92-й стрелковой дивизии и закончил войну старшим сержантом. А после вернулся в театр, где начинался его творческий путь, — в Большой драматический имени Максима Горького.

Вряд ли сыщется человек, не видевший замечательной картины Юлия Райзмана «Машенька», но, думается, трудно найти такого зрителя, кто узнал бы в эпизодической роли белофинского офицера будущего генерала Ковалевского из «Адъютанта его превосходительства», будущего Николая Рубинштейна из фильма «Чайковский», будущего Наполеона из «Войны и мира», атамана Дутова из «Конца атамана», Александра II и следователя из «Софьи Перовской», генерала Готтбурга из «Как Вас теперь называть?», Каретникова-старшего из «Преступления»...

Перечислять кинороли Владислава Стржельчика можно долго. Их много. И везде Стржельчик, появившись даже на короткое мгновение, остается в памяти зрителей. Скажем, граф Шенбех в «Воскресении», римский вельможа в «Визите вежливости», полковник Берг в «Майоре Вихре», лощеный сановник в «Гранатовом браслете»... Киноэкран не был так щедр к артисту, как был щедр к нему театр. Экран довольно длительное время «эксплуатировал» аристократическую внешность и фактуру артиста, пользовался его поразительным умением создавать крупный портрет «служебного» или попросту «проходного» персонажа, — создавать характер из минимума материала, который Стржельчику предлагался. Нужны были терпение, умение ждать и высокий профессионализм в решении всего того, что «отпускал» ему экран. Все эти качества у Стржельчика были и есть. К счастью, настал, наконец, день — было это двенадцать лет назад, когда он получил роль по своим возможностям. Во многом благодаря созданному актером образу умного, коварного врага — фашистского генерала Готтбурга («Как Вас теперь называть?») — в нашем кино в корне изменилось, углубилось, отношение к этой теме. Никакой прямолинейности — ее вообще не существует в «арсенале» средств Стржельчика.

А потом постепенно стало приходиться давно заслуженное доверие. Виртуозные, великолепно сыгранные (нет, прожитые!) «портреты» обращались уже в проблемные истории сложных человеческих судеб, глубокое, с серьезным подтекстом, с острым философским и социальным осмыслением. Бесспорно, значительнейшим этапом на этом пути актерских удач стала трагическая в своей сложности, в противоборстве и взаимосвязанности проблемы чувства и долга фигура генерала Ковалевского. Но, думается, не меньшим достижением Стржельчика была и роль друга Чайковского, знаменитого пианиста и дирижера Николая Рубинштейна (в фильме «Чайковский») — характер противоречивый, стремительный, импульсивный, артистичный. Здесь, наконец, потребовались и новые краски, новые повороты яркого темперамента Стржельчика, временами и краски иронические, комедийные, которыми кинематограф не очень балует его и сегодня. А жаль. Убедительность, психологическая достоверность, глубина Стржельчика, как это ни покажется парадоксальным, все еще мешают режиссерам дать ему развернуться во всю ширь своего многопланового, многожанрового дарования. К счастью, сейчас одна из таких возможностей — проявления в сатирическом жанре — к нему пришла: Владислав Игнатьевич снимается в роли энкекутора Яичницы (фильм «Женитьба», режиссер В. Мельникова).

Актюру интересно все, за что он берется: — Любимые роли?.. Это все следующие. Пока дышишь, пока можешь работать — самые большие удачи впереди... Но надо чаще возвращаться к тому, что пройдено тобой. Без прошлого нет настоящего, а без фундамента, как известно, нет и дома... Наверное и поэтому мне так сейчас близки мои новые роли — и те, что связаны с войной, и та небольшая, но важная, ибо говорит о моей любимой профессии — я имею в виду столичный актюра Тверского в новом фильме Александра Зархи «Повесть о неизвестном актюре». А главное — это поиск и труд. Всегда. Во всем. И непременно помноженные на ответственность. Без этого невозможно...

Собственно, ответом на это творческое кредо и является вся жизнь Владислава Игнатьевича Стржельчика.

Н. ЛАГИНА.